

ВОСПОМИНАНИЯ АРХИМАНДРИТА АФАНАСИЯ (КУЛЬТИНОВА). ЧАСТЬ 1

Родился я в тридцать седьмом году в деревне Большое Ляхово Ермишинского района Рязанской области. Мама моя занималась крестьянским хозяйством, весь день работала, воспитывать нас ей некогда было. Церкви у нас не было. Самый близкий храм – в Савватье, за восемь километров. Соответственно, в храм не ходили, в душе веру содержали. Молиться тоже почти что не молились... Но вера была. И когда я учился в Торопове, мама мне сказала: «Не вступай ни в октябрята, ни в пионеры, ни в комсомол». И я не вступал, раз мама сказала. Никак особенно меня за это не притесняли. Ведь мы в деревне жили, здесь за этим делом не так сильно следили. Может быть, по Божию Промыслу все таким путем сложилось.

Хотя, надо сказать, при низком уровне культуры нравственное состояние молодежи все равно было лучше, чем сейчас. Люди чище были. Когда я был юношей, поцеловать девчонку была целая проблема. Стыд страшный. Это сейчас совершенно по-другому... Благочестие, оно не сразу уходит, оно истощается через поколения. Вот через три-четыре поколения сильно засветилось наше безбожие. А раньше это было не так заметно... К тому же, период войны очень благотворно сказался на человеческих чувствах. Каждая семья пострадала: или отец не вернулся, или брат... В каждом доме была эта рана, люди несли тяготы скорби и были сострадательны, была любовь. Хотя жили без информации – у нас электрический свет в деревне только в пятьдесят шестом году провели.

В сорок шестом году мне было девять лет, я во второй класс ходил. Тетрадей у нас не было. Правда, их продавали, кто-то, может, покупал, но у матери денег не хватало, поэтому мы резали газеты, сшивали и на них писали. Ходили в чем

Архимандрит Афанасий (Культинов) со своей матерью (ныне схимонахиней)

придется, галош, конечно, тоже не было. Из дерева вырезали что-то типа колодок и потом на веревочках привязывали к сапогам. Одежда тоже была самая примитивная.

Питание было совсем скудное – даже хлеба ржаного мы не видели. Голод. Женщины терли картошку и пекли из нее хлеб. Еще ели лебеду, да и хлеб из нее тоже готовили. Щавель собирали. И из желудей тогда хлеб делали... Правда, мама из желудей хлеб не пекла – он очень тяжелый, твердый, потом колом в животе стоял. Но самое странное, что при всех этих трудностях и горестях никто тогда особенно не болел: какая рана появится, два-три дня – и все заживало. А сейчас каждая рана месяцами живет. Может, дело в экологии? Вероятно, запас физической прочности, как и вера, передавался от родителей. Я замечаю, что мы сильнее своих детей, дети сильнее внуков – люди по состоянию своего здоровья мельчают. И по духу мельчают. Моей маме девяностый год, а она мне говорит: «У меня, сынок, ничего не болит... Ничего... Я себя хорошо чувствую». Хотя у нее порок сердца был.

Учителя у нас безбожию не противостояли: «человек произошел от обезьяны» и все такое... Они все знали правду, но ведь очень трудно стать против течения, сказать, что ты верующий, что человек Богом сотворен. Все мы шли по линии наименьшего сопротивления. Не было твердости веры исповедовать Христа. Хотя Правдолюбовы, те отличались. Отец Владимир, когда мальчиком был, на уроках отвечал, что мир Богом создан, и учителя ему колы ставили. Правдолюбовы не отрекались, они исповедниками были уже в школе, детьми. А мы не могли так, мы такого воспитания не получили.

Как я уже сказал, храма у нас не было. В тринадцать лет я с мамой ходил причащаться в село Савватьма. Приходил священник на нашу улицу служить молебны водосвятные. Помню, я тогда подростком был, лет тринадцати-четырнадцати, мама говорит: «Подойди к кресту, священник покропит». А я не пошел. Ребята не пошли – и я не пошел... Мне стыдно. Вот такая была вера. Она внутри содержалась, а исповедничества не находила.

Матушка моя Зоя тогда тоже в церковь мало ходила, а вот ее тетка, Мариамна, ходила в церковь и меня уговаривала: «Анатолий, давай ходи в храм. Давай, давай...» Она посещала старца протоиерея Иакова Цветкова, которому тогда было под девяносто лет. Именно она первый раз привела меня к батюшке, и я причащался у него на дому.

Отец Иаков старец был смиренный. У него не было одного глаза – не знаю, как он его лишился. Много пришлось ему пережить. Его отправили в ссылку, а по дороге посмотрели на него и говорят: «Дедушка, поезжай домой, нечего тебе тут...» Отпустили его конвоиры. И приехал он в Касимов. У отца Иакова очень болели ноги. Он отслужит, а потом поднимет ногу на табуретку, снимет сапог – там полсапога крови. Вот такие подвижники были. Так мне впервые встретился человек, который, вроде, внешне не представлял собою ничего особенного, а в то же время был глубоким молитвенником.

Когда я первый раз у отца Иакова причастился, то сам взял крест, поцеловал его и положил. Я совершенно не представлял, как положено себя вести. Ну, конечно, поисповедовался. Потом я ему говорю: «Батюшка, я вино и водку пить не буду, нисколько». А он смотрит на меня и спрашивает: «А ты где вычитал?» Я говорю: «Не знаю, так решил». – «Дорогой мой, совершенным можно и водочки выпить, а несовершенным ни капли нельзя».

Так что в церковь меня Господь через тетку Мариамну привел. А до этого, когда я жил на другой квартире, я чуть не попал к баптистам. Они такие активные, надоедливые – утянули бы меня, потому что я к Богу стремился. Вот Господь меня и сохранил от них – я начал ходить в Никольскую церковь. Первые три года очень тяжело мне это давалось. Я ведь ростом большой. Приду, стою у Боголюбской иконы Божией Матери (в церкви, как заходишь, она с правой стороны)...

В Никольском храме служил отец Василий Романов, подвижник, которому было девяносто лет. Он был художником. Потом отец Владимир Правдолюбов с ним служил, а позже отец Иоанн (Крестьянкин)¹¹. Вот они и начали меня воспитывать. Тогда я был уже семейный. В шестьдесят третьем году мы с матушкой повенчались: поехали к отцу Анатолию Правдолюбову, брату отца Владимира, за восемь километров от Касимова, он нас и повенчал.

К тому времени я был вторым помощником капитана, встал вопрос о моем уходе с работы, так как я принял твердое решение пойти на церковное служение. Уходил очень тяжело, потому что были там люди, которые работали в известном отделе. Кто-то радовался, кто-то ехидничал, что директору за меня попадет. Но директор (он путешествовал, даже в Чехословакию ездил, что по тем временам было редкостью) долго смотрел на меня, рассматривал внимательно-внимательно, а потом говорит: «Ты подал прошение – я подписал. Я тебя отпускаю». Достойный человек. А ведь это был шестьдесят седьмой год, пятьдесят лет советской власти праздновали, а я им подарок преподнес – заявление об уходе.

Собралась тогда комиссия, человек семь. Глава города присутствовал, а весь разговор вел представитель КГБ. Вот начинает мне вопросы задавать: «А почему ты ушел? А почему ты то, а почему ты это?..» Я начинаю ему объяснять, что я читал книги святые, по вере ухожу. «А что тебе Церковь дала? Что ты так стремишься туда?» – «Ну вот, давайте я вам скажу, что мне Церковь дала. Я, будучи вторым помощником капитана, подражая своим начальникам, когда работал, вскрывал груз, брал, что мне надо: канат надо отмотать – двадцать метров отцепим, заберем домой. Надо игрушки, какие везут или вилки с Павлово, никелированные, – вскрываем пломбы, берем. И без последствий, совесть молчала. А когда я стал в церковь ходить, я уже ни к одному грузу не прикоснулся. Теперь я за собой слежу. Меня совесть обличает, если я совершаю грех, ворую. Вот что Церковь мне дает». Вижу – срабатывает. Потом кэзэбешник говорит: «Ну, ты дочь воспитаешь, она белой вороной будет». Я сказал: «Нет, не будет». – «Ну, а какую пользу обществу приносит твое хождение в церковь?» Я говорю: «Туда приходят люди, которые работали всю

свою жизнь. Сейчас они пенсионеры, им трудно, а я им готовлю, чтобы они могли молиться, чтобы тепло у них было (я истопником при храме трудился). Почетно...» – «А как же ты, помощник капитана, возишь дрова на салазках?» – это они начали гордыню задевать. «Я, – говорю, – не считаю, что в этом есть что-то нехорошее. Я не ворую, не делаю ничего плохого». Такой вот допрос мне устроили.

Вообще трудные времена это были. Моя дочь Наташа шестидесятого года рождения. В школе учительница, татарка, спросила ее: «Наташа, а ты крестик носишь?» – «Ношу». – «И я верующая, и я ношу». И стала беседовать с ней, попутно выспрашивая обо всем. А тогда ведь строго было. В конце концов говорит: «Крестик сними». Потом меня вызвали. Тут уж началось исповедничество мое. Я пошел, с ними говорил, исповедовал Бога. Они отстали.

Я тогда уже решительным образом был настроен. И Правдолюбовы меня выручали. Все они рисковали, и прежде всего отец Владимир, который меня духовно окормлял. Я воспринял от него то, что смог взять.

Отец Иоанн (Крестьянкин)

Помню, как к нам отец Иоанн (Крестьянкин) приехал. Вот что любопытно: когда он появился в нашем храме, я в смущении пошел к отцу Иакову: «Батюшка, приехал священник, католик». Маленькая бородка. Крест дает целовать особо. Руки целовать не дает. И только потом, когда я уже стал отцу Иоанну прислуживать, я понял, кто пришел. Я увидел и почувствовал, как он проповедует. Он брал книжку, вроде, читал... но, думаю, он брал ее просто для того, чтобы свою силу укрывать. Брал книгу и своей проповедью

поднимал тебя туда, в небеса, и делал страшное. Он возносил твои разум и сердце... Под тобой пропасть – думаешь, сейчас упадешь с такой высоты, разобьешься! Так он мог человека поднять и возвысить. И, конечно, он все видел. Например, он мне рассказал, сколько раз его из церкви в церковь переводили, выгоняли... А потом я понял, что это все и про меня говорилось.

Пришел к нам однажды какой-то монах, бесноватый, может. Собрал этот монах тех, кто был в церковной сторожке, и разделил кусочек хлеба: «Вот это благодать, приобщайтесь к ней». «Ах, прозорливый...» – припали к нему все,

кто там был: прислужные, уборщицы. Отец же Иоанн вечером приходит, говорит: «Толюшка, ты зачем к нему подошел? Человек это больной. Надо быть осторожнее...» А он ведь не был при этом, и ничего ему не рассказывали. Ну, а эти наши уборщицы неоднократно видели, как, когда отец Иоанн заходил в храм, на амвоне лампы внезапно сами зажигались.

Потом мне было попущено такое испытание: у меня в ушах начало шуметь, видно, враг напал, и помыслы пошли. Я отцу Иоанну сказал – он помазал, и все прошло. А потом какие-то нападения на меня начались, другие помыслы: «Не спасешься... Погибнешь...» – и все такое прочее. Он подходит ко мне и говорит: «Сам спасешься, и семья спасется!» – прямо на помыслы ответил. Вот такие моменты были. В шестьдесят шестом году отец Иоанн от нас ушел. Сам я тогда еще мирянином был, но желал Богу служить в священном сане.

Воспоминания архимандрита Афанасия (Культинова)

записал монах Павел (Щербачёв)

7 мая 2007 года

[1] Архимандрит Иоанн (Крестьянкин; † 2006), вернувшись из заключения, был назначен сначала в Псковскую епархию, а потом перемещен в Рязанскую, где священствовал, в общей сложности, почти 11 лет.